

«Остановитесь, девушки! Богини мщения, остановитесь! В мире нет виноватых!..» Крикнул и оторопел: хор Эриний бежал обратно, со стороны головного вагона, прямо на меня, паническим стадом».

«Москва — Петушки».
Глава «Леоново — Петушки»

«Вот, помню, когда мне стукнуло двадцать лет — тогда я был безнадежно одинок. И день рождения был уныл. Пришел ко мне Юрий Петрович, пришла Нина Васильевна, принесли бутылку столичной и банку овощных голубцов, — и таким одиноким, таким невозможно одиноким показался я сам себе от этих голубцов, от этой столичной — что, не желая плакать, заплакал...»

А когда стукнуло тридцать, минувшей осенью? А когда стукнуло тридцать, — день был уныл, как день двадцатилетия. Пришел ко мне Боря с какой-то полоумной поэтессой, пришли Валя с Лидой, Ледик с Володей. И принесли мне — что принесли? — две бутылки столичной и две банки фаршированных томатов. И такое отчаяние, такая мука мной овладели от этих томатов, что я хотел заплакать — и уже не мог...»

Помните «Москва — Петушки»? — эти строки, эти строфы взяты из удивительной поэмы, которую поколения шестидесятых и семидесятых знали — сердцем — почти наизусть. Автор ее, Венедикт Ерофеев, прибавил к своим пятидесяти только один годик — и ушел, отвернувшись от этого — любимого и постылого — мира. Это было в 1990-м. 24 октября 1998-го ему бы стукнуло шестьдесят лет. С чем мы придем на его запустелую могилу на Кунцевском кладбище, где каменная плита в изголовье, на которой и фамилию едва разобрать? Водка в горле комом у всех, кто помнит: трое — пятеро друзей, Черноусый да «славная девка» Наталья Шмелькова, нет-нет да и случаются Валя — «любимый первенец» да Боря Сорокин — «петушинский вице-премьер», родные сестры Тамара и Нина... Мало кто помнит этот день и место последней прописки писателя. Недавно окончился пятилетний срок регистрации могилы, и Веничка снова оказался в Москве без прописки. Хорошо, документы переписали на сестру, а то, чего доброго, не избежать высылки в 24 часа за пределы...

Кстати, о документах... «Документов я не люблю» — чеканная фраза Венедикта.

А как ему было их любить, когда не было ничего более призрачного, более мифологического, чем документы этого человека, о котором четверть века биографические словари «несут околесицу», а филологи-диссертанты спорят о существовании Петушкова. Но это за границей России, где поэма переведена на три десятка языков — от японского до... Вышли собрания сочинений в Италии, Болгарии... По третьему разу переизданы огромным тиражом переводы на немецком, польском, сербском, английском... А в России?.. В России выросло поколение молодых людей, не знающих писателя Ерофеева. Поэтому так тиха могилка и не спешат общественные массы во главе с генералами от литературы возлагать и устанавливать на ней чахо-нибуду.

Однако демифологизация мифов необходима, как экспроприация экспроприаторов. Иначе новые времена начинают навевать новые сны и порождают новых чудовищ. Кроме мифов о человеке, остаются бесчеловечные свидетели — документы, которые принесли столько бед, бесполовых мучений... которые, казалось порой, почище эриний и эвменид, путаней всех парок и усадб влияют на судьбу... Документы, которые мы так не любили...

Посудите сами. Венедикт поступил в МГУ и был исключен через полтора года. Куда должна его отправить «любовь к документу», то есть «стремление к непорочности перед государством»? Правильно! На службу в Советскую армию. Но он начинает путь — путь, без которого он, может быть, и стал бы писателем, но не автором поэмы «Москва — Петушки». Он скрывается, уезжает к сестре Нине на Южную Украину, в Славыанск. А через полгода поступает в Орехово-Зуевский педагогический институт. Но это уже испытание государственных устоев и искушение судьбы. Он не имел права поступать в вуз второй раз, не исполнив «священной обязанности». И, поступив в институт, он получает только малую передышку. Преследователи ищут по пятам. Он может учиться, пока не пойдет вставать на учет в местный военкомат по месту прописки. В общежитии эта передышка может длиться полгода-год.

Именно столько времени протянул Венедикт в Орехово-Зуевском пединституте: с сентября 1959-го по май 1960-го. В апреле 1961 года он появляется на строительстве международной автострады Москва — Пекин. Об этом сообщает трудовая книжка. Летом того же года он поступает во Владимирский государственный педагогический институт имени Лебедева-Полянского.

ТРУДОВАЯ КНИЖКА ВЕНИЧКИ

ТРУДОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Мы, домовый комитет дома 64, кор. 1 по Ленинградскому шоссе и Ерофеев Венедикт Васильевич, адрес Флотская, д. 17, к. 1, кв. 78, паспорт VI-МЮ № 620482 выдан 108 о/м г. Москвы, составили настоящее трудовое соглашение, в котором обязуемся:

1. Дежурить на входе в дом № 64, кор. 1, по скользящему графику, по 14 часов (с 8.00 до 22.00) без перерыва на обед, выходных дней, через 2-е суток на 3-и с 16 июня 1983 г.
2. Домовой комитет дома 64, кор. 1 Ленинградского шоссе оплачивает работу 70 руб. в месяц. Оплату производить по фактическому отработанному времени — дням (без учета дней болезни) 1 раз в месяц 30 числа.
3. Дежурному постоянно находиться на рабочем месте, следить за порядком в доме, не впускать посторонних лиц, о всех нарушениях немедленно сообщать в милицию.
4. При невыполнении одного из вышеуказанных пунктов и появлении на работе в нетрезвом виде настоящее соглашение расторгается.

Пред. домкома (П. Слуцкий)
Наниматель

подпись
подпись

Поступает Венедикт на заочное отделение, но его, золотого медалиста, показавшего «исключительные способности» (уже дважды исключительные?), преподаватели во главе с деканом угорваривают передать документы на дневное, очное, обещают стипендию, общежитие...

Первый вопрос. Где пропадал Веничка с мая 1960-го по апрель 1961-го? Этот пропуск в трудовую книжку ему не простили бы и на лечение за границу в 1986-м не выпустили, даже если бы все остальные «мелочи», не прощенные нотариусом, были бы милостиво прощены неуемными стражами непорочности наших биографий. Этим прогулом длиною в год Венедикт подписал себе еще один приговор: кроме конституционной священной обязанности служить в Советской армии, он стал теперь подсуден как тунеядец — стал гражданином, не выполняющим своего конституционного священного права на труд.

Второй вопрос. Что за документы принес Веничка в приемную комиссию Владимирского пединститута? Работать на «пекинку» он поступил, очевидно, чтобы получить справку с места работы для поступления на заочное обучение. Но в автобиографии пришлось писать что-то вроде: «Я ведь... из Сибири, я сирота...» («Москва — Петушки», глава «Москва. Ресторан Курского вокзала»). Нужно было придумать «трудную трудовую жизнь» в течение пяти (!) лет, не подтверждаемую выпиской из трудовой книжки, при этом пряча два института и годы скитаний, да еще выпутываться с потерянными (?) или просроченными (?) призывным свидетельством.

Эх, русское наше простодушие! — и преподаватели махнули рукой на неказистые справки и документы абитуриента Ерофеева. Или девушки в провинциальной приемной комиссии, «умирая со смеху», принимали документы от такого парня как серьезное предложение...

Он соглашается перейти на дневное отделение, хотя уже на своей шкуре знает, что учиться ему полгода-год... пока не займутся его пропиской и припиской. Через полгода Венедикт выворачется за «аморальное поведение», но он вынужден провоцировать изгнание, чтобы дело не дошло до прописки и не обнаружилась большая, подспудная вина.

Все мучаются, предавая «выдающегося студента» на расправу, все недоумевают, почему «он враг сам себе» и «гробит свой талант филолога». А он приговорен, как Эдип — Одиссей — Эней, вместе взятые, своей виной перед Матерью-Родинкой, что с юных ногтей не сохранил чистоту своих документов. Десять лет работы в СУСе — Специализированном управлении связи № 5, контора которого находилась в Люберцах, а вагончики с рабочими были разбросаны по всему СЭСЭСР, — это не скитание, а скрывание себя. Коллеги по работе — почти все с тюремно-лагерным стажем. На этой работе не требовали документов, не нужна была строгая постоянная прописка. Тула... Брянск... Белоруссия... года три вокруг Москвы... Однажды выдвинули кандидатуру Венедикта как опытного уже дипломированного специалиста, спайщика-симметровщика, на работу в Афганистан. Предложили вступить в Коммунистическую партию.

Венедикт размечтался в тот вечер всерьез: может, поехать? — вот до чего человек может забыться, но выпил и все вспомнил. Какая тебе «коммунистическая партия», если у тебя прописка у тети Нюры — временная, еще павловопосадская, «на срок учебы», а приписное свидетельство...

В 1976 году новоиспеченная невеста, Галина Носова, взяла на себя обязательство перед обществом приютить беспризорного гениального писателя у себя в Камергерском переулке и официально прописать его на «жилплощадь жены». Она взяла обрывки Вениного паспорта, в котором оставалось не более трех страниц, и поехала в Павловский Посад. В паспортном столе изумились, но, получив два батона сверхдефицитной в ту пору копченой колбасы, обещали все устроить, если в военкомате будет гладко.

В военкомате бедный майор чуть на лафет не слет. С 1958 года призванный Венедикт Васильевич Ерофеев числился за его ведомством, но обязанности не справил по причине непризнанности. А на дворе-то аж восемнадцатая осень с той поры! Выходило, что ведомство само виновато, потому как прокозыряло, и во всесоюзный розыск не заявило, и с собаками к присяге не привело рядового Ерофеева.

Выбывая «право на жительство» писателя Ерофеева, предприимчивая Галина пообещала майору, что майорша получит легендарно знаменитый в ту пору японский зонтик и три батона колбасы. Майор понял взаимовыгоду и обоюдострость своего положения: «надо быть сговорчивым». Через неделю Венедикт шел с Галиной Носовой в загс Ленинградского района столицы с новым паспортом и был уже не годным даже к «военной службе в военное время».

Но не могло все так спокойно сойти с рук этому покорному судьбе Сократу. Как могло государство забыть, что еще в первом классе детского дома города Кировска Мурманской области этот малыш уперся и не вступил в октябрят, а через два года выстоял и не стал пионером, и комсомольцем никогда не был. (Что на это скажут оправдывающие себя: «вы бы на нашем месте побыли, еще не такое бы сделали-подписали-признали...») В те времена это значило сознательно вычеркнуть себя из жизни.

Этот новый должник Асклепия недоумевал на собственное судьботворчество:

«— Венедикт Васильевич, а что за история с Сорбонной была в 1986 году?»

— Меня пригласили из Парижского университета на филологический факультет, то есть русское отделение филологического факультета, и одновременно с этим было приглашение от главного хирурга-онколога Сорбонны, сейчас не помню фамилий, тем более что мне не отдали назад этих приглашений. И приглашения эти были отпечатаны так красиво и на такой парижской бумаге и все такое... И вот тут стали заниматься почему-то моей трудовой книжкой. Ну зачем им моя трудовая книжка, когда нужно отпустить человека по делу? Тем более когда зовет главный хирург Сорбонны — он ведь зовет вовсе не в шутку, кажется, можно было понять. И они копались, копались — май, июнь, август 86-го года, снимали с моей трудовой книжки какие-то копии, наконец объявили, что в 63-м году у меня был четырехмесячный перерыв в работе, поэтому выпустить во Францию не имеют никакой возможности. Я обалдел. Ну шла бы речь просто о какой-нибудь туристической поездке, но ссылаться на маленький перерыв в работе двадцатитрехлетней давности, когда человек нуждается в онкологической помощи, — вот тут уже... Я умру, но никогда не пойму этих скотов» (из интервью Венедикта Ерофеева «Я умру, но никогда не пойму этих скотов». Газета «Авто», 1991, № 18, 7—13 мая, с. 12).

Не сладил Венедикт с документами. Он не любил их. Всегда при всей своей независимости он беспомощно чувствовал в кармане на груди свидетельство своей подлой причастности этому веку по году своего рождения, этой стране по месту своего рождения, этой земле по неумолимой ее силе притяжения.

И последняя тшета милосердных доброжелателей! После службы в отряде ВОХРа № 101 Мосэнерго (позади кинотеатра «Ударник», на задворках дома на Берсеневской набережной, где автор этих строк был охранником караула, — поняли, какая была охрана!) все последующие записи в трудовой книжке были «липовые» — их собирали, чтобы Веничка еще пожил среди нас. Не пустила Венедикта на лечение в парижскую клинику девка Эриния.

● Игорь АВДИЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы благодарим журнал «Комментарий» и лично главного редактора журнала Александра Давыдова за предоставленные материалы. Целиком перепечатку трудовой книжки Венедикта Ерофеева можно прочитать в «Комментарии» № 15.